

нецкаго, а доценту Ганноту пятилѣтія, на которое онъ былъ оставленъ; 8) въ семь засѣданіи лѣкаръ Калмыковъ избранъ на должность ординатора (избирает. — 31 и неизбир. — 3 балла); 9) доложены счеты, по которымъ слѣдуетъ уплотить изъ суммъ, назначенныхъ на учебно-вспомогательныя учрежденія.

Опр. 1) Подвергнуть поименованныхъ лицъ баллотированію; 2) о пропущенныхъ лекціяхъ записать въ журналъ; 3 и 4) о награжденіи г. Мало орденомъ св. Владимира по статуту и объ увольненіи поименованныхъ гг. профессоровъ за границу представить г. попечителю; 5) о разрѣшеніи держать экзаменъ поименованнымъ лицамъ испросить разрѣшеніе г. попечителя; 6) о поздравленіи г. Срезневскаго, за сдѣланіемъ надлежащаго распоряженія, принять къ свѣдѣнію; 7) подвергнуть проф. Имшенецкаго и доцента Ганнота баллотированію съ цѣлію оставленія ихъ на службѣ еще на 5 лѣтъ; 8) объ опредѣленіи г. Калмыкова на службу представить г. попечителю; 9) объ уплатѣ по счетамъ просить правленіе сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Засѣданіе 19 апрѣля.

Присутствовали подъ предсѣдательствомъ г. ректора 33 члена. Не присутствовали гг. проф.—Дриновъ, Крыловъ, Якобій, Морозовъ, Залѣсскій, Тихоновичъ, Бремьянскій, Имшенецкій, Вагнеръ, Кучинъ, Пѣховскій, Петровъ, Бріо и Федоренко.

Слушали 33 статьи.

а) Предложенія г. попечителя харьковскаго учевнаго округа.

Ст. 1. Отъ 10 апрѣля за № 2090: «Г. министръ народнаго просвѣщенія въ предложеніи отъ 10 марта сего года за № 2808 изъяснилъ слѣдующее: Г. попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа представилъ на разрѣшеніе его сіятельства, возбужденный совѣтомъ с.-петербургскаго университета, вопросъ, относи-

тельно условій принятія въ число студентовъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ: 1) въ германскихъ гимназіяхъ, 2) въ гимназіяхъ славянскихъ земель и 3) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ той части Бессарабіи, которая возвращена Россіи по берлинскому трактату.

Разсмотрѣвъ означенное представленіе, г. министръ народнаго просвѣщенія находитъ, что первые могутъ пользоваться тѣми же правами, какія предоставлены, предложеніемъ его сіятельства отъ 13 мая 1872 года, окончившимъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ Австріи и Пруссіи, т. е. по одному повѣрочному испытанію, если воспитанники сіи обнаружатъ на испытаніи основательное знаніе русскаго языка; лицамъ второй категоріи права сія не могутъ быть предоставлены безусловно, такъ-какъ въ гимназіяхъ славянскихъ земель не проходятся всѣ предметы, изучаемые въ нашихъ гимназіяхъ; поэтому справедливо предоставить лицамъ этой категоріи означенныя права въ томъ только случаѣ, если они выдержатъ дополнительное испытаніе по тѣмъ предметамъ, которые преподаются въ русскихъ гимназіяхъ и которымъ сіи молодые люди не обучались, если же они такового испытанія не выдержатъ, то могутъ быть принимаемы, въ видахъ желательнаго сближенія славянъ съ Россіею, въ русскіе университеты — вольнослушателями, но съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи университетскаго курса, они получили только свидѣтельство о томъ, какіе предметы выслушаны ими и съ какими успѣхами, безъ предоставленія имъ правъ по службѣ въ Россіи. Что же касается молодыхъ людей, окончившихъ гимназическій курсъ въ той части Бессарабіи, которая нынѣ возвращена Россіи, то, по исключительности ихъ положенія, имъ необходимо предоставить нѣкоторыя преимущества, и они могутъ быть принимаемы въ русскіе университеты безъ испытанія, если только, по существовавшимъ въ той мѣстности законамъ, аттестатъ зрѣлости, выданный тамъ, давалъ право на поступленіе

въ университеты или соотвѣтствующія онимъ высшія учебныя заведенія, о чемъ и должны быть истребованы университетомъ, предварительно представленія на разрѣшеніе министерства, свѣдѣнія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

О вышеизложенномъ увѣдомляю совѣтъ Императорскаго харьковскаго университета къ надлежащему руководству и исполненію».

Опр. Принять къ руководству и исполненію.

Ст. 2—4. 1) О разрѣшеніи допустить *Протопопова* къ контрольному испытанію; 2) объ опредѣленіи *Мурашко* и *Хохлова* на должность аптекарскихъ учениковъ при университетской аптекѣ; 3) объ исключеніи г. *Кушниренка*, удостоеннаго званія аптекарскаго помощника, изъ податнаго званія.

Опр. 1) О допущеніи *Протопопова* къ контрольному испытанію сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе; 2) объ опредѣленіи *Мурашко* и *Хохлова* на службу сообщить въ правленіе; 3) выдать г. *Кушниренку* установленное свидѣтельство на званіе аптекарскаго помощника.

б) Представленія факультетовъ.

Ст. 5. Представленіе историко-филологическаго факультета отъ 19-го апрѣля за № 10: «Въ засѣданіи историко-филологическаго факультета 17 марта сего года доложенъ былъ рапортъ проф. *Потебни* слѣдующаго содержанія: «Послѣ выхода *А. И. Кирпичникова* изъ числа преподавателей харьковскаго университета, сколько мнѣ извѣстно, въ факультетъ небыло заявлено о желающихъ занять мѣсто преподавателя исторіи всеобщей литературы. Это не требуетъ оправданій и объясненій, ибо занимающихся этимъ предметомъ у насъ весьма мало и всѣ они при мѣстахъ.

Мнѣ извѣстно, что *А. И. Кирпичниковъ* оставилъ службу при харьковскомъ университетѣ главнымъ образомъ для про-

долженія своихъ ученыхъ трудовъ и пользованія для нихъ Императорскою публичною библіотекой.

Теперь къ прежнимъ своимъ почтеннымъ работамъ по этому предмету въ связи его съ исторіею русской словесности, — именно къ сочиненіямъ: а) Поэмы ломбардскаго цикла. Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса. М. 1873 г. XI. 208. 6) I. Греческіе романы въ новой литературѣ. II. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Харьковъ. 1876. VI. 265. 113, — онъ присоединилъ статьи: в) «Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ» въ Журн. министерства народнаго просвѣщенія, 18 стр.; болѣе обширное, написанное весьма сжато сочиненіе, г) Св. Георгій и Егорій Храбры. Изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды. С.-Петербургъ. 1879. IV. 193, доставившее ему со стороны историко-филологическаго факультета с.-петербургскаго университета единогласное признаніе докторомъ исторіи всеобщей литературы. Находя это сочиненіе важнымъ вкладомъ въ науку, я весьма радъ, что могу подтвердить свое мнѣніе объ немъ отзывами лицъ, столь компетентныхъ какъ официальные оппоненты г. Кирпичникова — профессоръ русской словесности при с.-петербургскомъ университетѣ О. Ѳ. Миллеръ, профессоръ всеобщей литературы членъ-корреспондентъ Императорской академіи наукъ А. Н. Веселовскій и профессоръ греческой словесности при томъ же университетѣ г. Дестунисъ. Отзывы первыхъ двухъ я прилагаю при семъ въ подлинникъ. Г. Дестунисъ въ письмѣ, находящемся у меня, высказываетъ интересъ, возбуждаемый въ немъ сочиненіемъ г. Кирпичникова, предлагаетъ нѣкоторыя свои поправки одного изъ текстовъ, рассматриваемыхъ тамъ, и хвалитъ «неистощимое терпѣніе и энергію, съ которыми авторъ доискался важныхъ и положительныхъ выводовъ», а также «ясность изложенія». Къ сожалѣнію, столь-же благоприятный отзывъ профессора акаде-

мика О. И. Буслаева, на который онъ ссылаясь въ письмѣ своемъ ко мнѣ, почему-то замедлился или утерянъ на почтѣ.

На основаніи изложеннаго, согласно съ § 70 устава университетовъ, честь имѣю представить А. И. Кирпичникова на вакантную экстраординатуру по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы». За-тѣмъ были прочитаны мнѣнія профессоровъ с.-петербургскаго университета Веселовскаго и Миллера, приложенныя къ рапорту профессора Потебни, слѣдующаго содержания: Мнѣніе профессора Веселовскаго: «Житіе и легенды о св. Георгіи уже давно обратили на себя вниманіе изслѣдователей. Изъ трудовъ, явившихся за послѣдніе годы, укажу лишь на труды Гутшмидта, Царнке, Клермонъ-Ганно. Интересъ возбужденъ былъ и вопросомъ о первоисточникахъ житія, и вопросомъ о взаимныхъ соотношеніяхъ его редакцій; менѣе вниманіе обращено было на отраженіе георгіевской легенды въ народныхъ обрядахъ, легендахъ и пѣсняхъ; для этой стороны дѣла собраны были матеріалы и указанія, но попытки обобщенія, какія появились въ этой области, опредѣлялись посторонними (большею частію мифологическими) критеріями, не изслѣдованіемъ житія и его источниковъ.

Главная заслуга г. Кирпичникова состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что онъ первый охватилъ вопросъ во всей его органической цѣлости, представивъ намъ генезисъ и легенды — отъ ея основы, коренящейся въ религіозныхъ представленіяхъ востока, до житія и его развѣтвленій, и далѣе, до его различныхъ преобразеній въ народной поэзіи.

Какъ неоріенталистъ, г. Кирпичниковъ не могъ вполне самостоятельно отнестись къ гипотезамъ, какія были высказаны въ послѣднее время: о связи св. Георгія съ Митрой, Горомъ и т. п. Но и здѣсь онъ не ограничился передачей результатовъ, добытыхъ другими, а постарался отнестись къ нимъ критически, опираясь на обширное знакомство съ рукописными текстами

житія въ его различныхъ редакціяхъ. Въ этомъ отношеніи ученые, изслѣдовавшіе восточныя отношенія Георгія, были крайне нетребовательны и неразборчивы, основывая свои заключенія о генезисѣ легенды на любомъ текстѣ житія, сближая, подобно Гутшмидту, царицу Александру, являющуюся въ поэмѣ Рейнбота французской, съ Анагитой, Галатеей. Ненаучность такого приѣма очевидна сама собою; заключенія о первоисточникахъ житія станутъ возможными лишь тогда, когда его тексты будутъ критически установлены, редакціи ихъ разобраны.

Къ подобной работѣ г. Кирпичниковъ былъ приготовленъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Онъ познакомился не только съ печатными текстами житія въ его различныхъ рецензіяхъ, но и съ рукописными французскими, латинскими и русскими. Особенно счастливо отозвалось на изслѣдованіи внесеніе въ него русскаго и славянскаго матерьяла, не рѣдко освѣщающаго неожиданнымъ свѣтомъ темныя стороны европейской литературной старины. Запасшись богатыми рукописными данными, г. Кирпичниковъ могъ не только исправить чтенія нѣкоторыхъ западныхъ пересказовъ житія, установить для иныхъ генеалогію источниковъ, но и сдѣлать попытку болѣе широкаго построения. Я разумѣю вопросъ о типическихъ редакціяхъ житія (А, В, С, по обозначенію г. Кирпичникова), общія отношенія которыхъ опредѣлены съ большою вѣроятностью. Вѣроятность эта можетъ измѣниться — съ прибавленіемъ новаго матерьяла и такихъ текстовъ, на которые до сихъ поръ не было обращено вниманія. Что такіе тексты найдутся, можно заключить изъ нѣкоторыхъ указаній самого г. Кирпичникова. Въ общемъ генеалогическія отношенія редакцій, имъ установленныя, едва-ли отъ того измѣнятся. Изслѣдованіе редакцій житія составляетъ безспорно самую важную, основную часть труда г. Кирпичникова. Можно было бы пожелать, чтобы ходъ работы и результаты сличеній были изложены яснѣе и менѣе разбро-

санно, чтобы тексты, приводимые въ подтвержденіе выводовъ, были распредѣлены равномернѣе, т. е. подробнѣе тамъ именно, гдѣ отъ того зависитъ новый выводъ и устанавливается новая точка зрѣнія. Отъ русскаго изслѣдователя можно было, наконецъ, ожидать, что онъ обратитъ вниманіе преимущественно на ту особую редакцію апокрифическаго житія св. Георгія, которая извѣстна пока лишь въ славяно-русскихъ текстахъ и несомнѣнно существовала въ греческихъ. Я разумѣю редакцію С, старѣйшій списокъ которой восходитъ къ XIV вѣку. Мнѣ кажется, что даже при доступныхъ г. Кирпичникову средствахъ изученія можно было ближе подойти къ уясненію этого памятника. Къ изслѣдованію житія св. Георгія можно было подойти съ двухъ точекъ зрѣнія, не исключаящихъ, а необходимо восполняющихъ другъ друга. Оно стоитъ въ центрѣ небольшого круга житій, объединенныхъ не только единствомъ типа, но и отчасти стили, но, можетъ быть, и единствомъ мѣстности. Къ житію Георгія слѣдовало привлечь житія Θεодора Тирона и Θεодора Стратилата, апокрифъ о Никитиномъ мученіи и т. д. Такое совмѣстное изученіе обѣщало уяснить многое въ вопросѣ о происхожденіи сказаній о каппадокійскомъ святомъ. Работа надъ текстами его житія получила бы такимъ образомъ болѣе широкую подкладку. Г. Кирпичниковъ ограничилъ себя однимъ житіемъ, представлявшимъ и безъ того значительныя трудности для изслѣдователя; такое ограниченіе дало ему возможность сосредоточить все свое вниманіе на вопросѣ о редакціяхъ житія, но едва-ли оно не отразилось не къ пользѣ дѣла на другихъ сторонахъ работы, напр. въ вопросѣ о чудѣ Георгія съ змѣею.

Послѣдняя часть книги посвящена св. Георгію или Егорію— въ обрядѣ и пѣснѣ. Я могу отнестись только сочувственно къ осторожнымъ приемамъ г. Кирпичникова, въ изслѣдованіи митологическаго содержанія егорьевской обрядности. Въ дѣлѣ митологическомъ

эологін осторожность никогда не бывает лишнею, если она не переходит въ гиперкритицизмъ. Мнѣ кажется, что въ области обрядовъ, окружившихъ день св. Георгія, можно было точнѣе выдѣлить долю дѣйствительно народныхъ вѣрованій, не обусловленныхъ житіемъ, отъ тѣхъ, которые были вызваны его календарнымъ приуроченіемъ. И на-оборотъ: въ вопросѣ о связи русскихъ духовныхъ стиховъ съ болгарскими и греческими можно было высказаться положителнѣе, не опираясь излишне на повѣстическую логику пѣвцовъ.

Книга г. Кирпичникова можетъ быть признана хорошимъ вкладомъ въ науку, посвященную вопросамъ литературныхъ вліяній и общенія литературы съ народною жизнію. Всѣ послѣдующіе изслѣдователи въ той же области обратятся къ ней не только за указаніемъ матеріала, но и за точками зрѣнія, въ ней намѣченными и подлежащими дальнѣйшему развитію».

Мнѣніе профессора Миллера: «Книга А. И. Кирпичникова «Св. Георгій и Егорій Храбрый» представляетъ въ объемѣ 193 страницъ сжатый, но тѣмъ болѣе цѣнный результатъ трудовъ надъ массою рукописей, рассмотрѣнныхъ имъ въ продолженіи многихъ лѣтъ въ различныхъ библіотекахъ. Послѣ его труда книжный источникъ нашего стиха о Егоріи окончательно выясняется, вмѣстѣ же съ тѣмъ вполне выдѣляется въ стихѣ та часть, которая, не представляя никакой связи съ книжнымъ источникомъ, должна быть признана самостоятельною, т. е. народною. Если въ *выясненіи* авторомъ этой самостоятельной части стиха (второй его половины) нельзя видѣть послѣдняго слова, то это зависитъ отъ той осторожности въ выводахъ, какою руководствуется онъ въ своемъ трудѣ. Имѣя въ виду напечатать въ «Критическомъ Обзорѣніи» довольно подробный разборъ этой замѣчательной книги, я ограничусь теперь заявленіемъ, что она составляетъ прекрасный вкладъ не только въ нашу, но и въ европейскую учоную литературу. Нужно ли го-

ворить послѣ этого, что авторъ, если и диспутъ его окажется успѣшнымъ, долженъ быть признанъ вполне заслуживающимъ степени доктора».

При этомъ доложенъ былъ второй рапортъ профессора Поттебни слѣдующаго содержания: «Въ дополненіе къ послѣднему своему рапорту честь имѣю представить при семъ письмо ко мнѣ профессора московскаго университета и академика О. И. Буслаева, содержащее въ себѣ оцѣнку сочиненія А. Н. Кирпичникова «Св. Георгій и Егорій Храбрый»».

За-тѣмъ прочитано было дословно частное письмо академика Буслаева, заключающее въ себѣ отзывъ о сочиненіи г. Кирпичникова «Св. Георгій и Егорій Храбрый».

Въ засѣданіи 26 марта большинство членовъ факультета, принимая во вниманіе, съ одной стороны, чисто частный характеръ означеннаго письма и не имѣя, съ другой стороны, никакихъ свѣдѣній на-счетъ согласія профессора Буслаева на внесеніе его письма въ представленіе факультета совѣту университета, полагало не вводить означеннаго письма въ факультетское представленіе, а приложить его къ нему. Меньшинство же членовъ факультета полагало возможнымъ внести его въ представленіе совѣту университета.

За-тѣмъ прочитанъ былъ рапортъ профессора Пѣховскаго слѣдующаго содержания: «Чтеніе въ факультетскомъ засѣданіи частныхъ писемъ въ подтвержденіе представленія г. Кирпичникова на экстраординатуру по кафедрѣ всеобщей литературы — пріемъ новый, о которомъ, признаюсь, до сихъ поръ я не слыхалъ ни въ Россіи, ни за границей. Этотъ пріемъ, какъ допускающій чужое вліяніе на рѣшеніе факультета, я считаю вреднымъ въ самомъ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбительнымъ для факультета, не касаясь ученыхъ достоинствъ лицъ, приславшихъ эти письма. По этому имѣю честь предложить факультету считать чтеніе этихъ писемъ недѣйствительнымъ и постановить,

чтобы и впредь строго соблюдался принятый порядокъ сужденія о достоинствахъ предложеннаго кандидата на кафедру.

Изъ сочиненій г. Кириичникова я знаю: 1) Греческіе романы въ новой литературѣ и повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ. 2) Св. Георгій и Егорій Храбрый. Первое я прочиталъ въ рукописи съ начала до конца и нашелъ его неудовлетворительнымъ для полученія степени доктора. Такого-же мнѣнія, сколько мнѣ извѣстно, были и спеціалисты въ Петербургѣ и Москвѣ. Второе сочиненіе я получилъ въ прошлый понедѣльникъ въ 8 часу вечера и успѣлъ прочитать 95 страницъ. — *Ἡ ἐκάστος εἰδείν τέχνην* (quam quisque poverit artem, eam exerceat). Эти слова можно и такъ понимать: «Пусть каждый занимается своимъ дѣломъ, какъ онъ знаетъ, лишь бы только не требовалъ, чтобы и другіе любили заниматься тѣмъ-же».

Прочитавъ въ началѣ диссертациі слова: «къ сожалѣнію, мракъ, все еще окружающій, такъ-сказать, колыбель апокрифовъ и легендъ, недостатокъ многихъ посредствующихъ звеньевъ и одновременное существованіе нѣсколькихъ версій, взаимно вліявшихъ другъ на друга, а главное — недостаточное знакомство съ восточными версіями легенды дѣлаютъ окончательное рѣшеніе вопроса въ настоящее время невозможнымъ». Прочитавъ эти слова, я невольно припомнилъ себѣ, что намъ съ кафедрой сказалъ профессоръ Бэкъ: «Есть люди, которые любятъ писать о предметахъ, въ которыхъ все темно, а между тѣмъ есть много вопросовъ, ученая разработка которыхъ обѣщаетъ дать свѣтъ». Читая дальше, я почувствовалъ, что дѣйствительно попалъ въ область мрака, въ которомъ мнѣ, пришедшему къ плодотворной и трезвой наукѣ грековъ, признаюсь, было не ловко, особенно въ виду того, что и въ области свято-го *longa, vita brevis*. Откровенно скажу, что я не охотно видѣлъ бы, еслибы студенты занимались подобными темными вопросами, и желалъ бы скорѣе, чтобы они могли сосредоточиться

въ главныхъ предметахъ преподаванія и имѣли бы также время изучать новѣйшіе языки, познаніе которыхъ имъ много мѣшаетъ въ ихъ занятіяхъ. Россія очень нуждается въ хорошихъ специалистахъ по главнымъ предметамъ знанія, но слишкомъ разнообразныя и лишнія занятія при столькихъ специалистахъ по части исторій литературъ — профессорахъ и лекторахъ — не могли бы не препятствовать удовлетворенію этой настоятельной потребности. Но допустимъ, что педагогическое правило: «*non multa, sed multum*» слѣдуетъ измѣнить и сказать на-оборотъ: «*non multum, sed multa*» и допустимъ также, что вполне согласно съ правильнымъ методомъ учить разнымъ исторіямъ литературъ студентовъ, незнающихъ главныхъ европейскихъ языковъ. Въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы жалѣть, что за г. Кирпичниковымъ, хотя и имѣющимъ докторскую степень, не могли признать ни солидной учености, требуемой для занятія университетской кафедры, ни хорошихъ преподавательскихъ способностей».

За-тѣмъ произведена была баллотировка доктора Кирпичникова въ званіе экстра-ординарнаго профессора, по которой оказалось избирательныхъ 3 балла и неизбирательныхъ 6.

Въ засѣданіи 11 апрѣля доложенъ былъ рапортъ профессора А. А. Потебни слѣдующаго содержанія: «Покорнѣйше прошу выстѣ съ дѣломъ о баллотировкѣ доктора Кирпичникова препроводить въ совѣтъ университета слѣдующее мое мнѣніе:

1. Въ своемъ представленіи г. Кирпичникова, заслушанномъ факультетомъ въ засѣданіи, предшествовавшемъ баллотировкѣ г. Кирпичникова, я лишь вскользь упомянулъ о прежнихъ почтенныхъ трудахъ этого ученого. Въ дополненіе къ этому честь имѣю обратить вниманіе факультета и совѣта на представленіе г. Кирпичникова, сдѣланное факультетомъ 8 мая 1873 г. Тамъ цѣликомъ приведенъ отзывъ профессора Н. А. Лавровскаго объ

ученныхъ трудахъ г. Кирпичникова, именно о сочиненіяхъ: а) «Письма темныхъ людей»; б) Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы; в и г) разборъ книгъ Ральстона и Веселовскаго, д) «Поэмы ломбардскаго цикла» и другихъ. Въ свой отзывъ Н. А. Лавровскій включилъ и сообщенный ему отзывъ академика Буслаева о послѣднемъ изъ вышеназванныхъ сочиненій. Оба отзыва столь благопріятны, что, по выслушаніи ихъ, факультетъ единогласно (7 избирательныхъ) рѣшилъ ходатайствовать за г. Кирпичникова передъ совѣтомъ.

2. Существенную часть моего представленія г. Кирпичникова составляютъ мнѣнія о послѣднемъ его трудѣ академикомъ Буслаева и Веселовскаго, профессоромъ О. Миллера и Дестуниса, мнѣнія, отданныя авторами въ полное мое распоряженіе. На основаніи многихъ прежнихъ случаевъ, я считаю себя въ правѣ протестовать противъ исключенія факультетомъ изъ моего оффиціального отзыва мнѣній ученыхъ, на которыхъ я ссылаюсь. Право такого рода цензуры факультету не принадлежитъ. Я прошу, чтобы вопросъ этотъ былъ представленъ на разсмотрѣніе совѣта».

По выслушаніи этого рапорта деканъ факультета заявилъ, что письмо академика Буслаева не будетъ внесено въ представленіе факультета совѣту на основаніи рѣшенія большинства членовъ, мотивированнаго въ журналѣ 26 марта. — Не совѣтъ вѣрно также, что факультетъ исключилъ мнѣнія ученыхъ изъ оффиціального отзыва профессора Потебни, такъ-какъ письмо академика Буслаева, о которомъ идетъ здѣсь очевидно рѣчь, не внесено въ бумагу профессора Потебни, а только приложено къ ней.

Кромѣ того деканъ факультета присовокупилъ, что онъ неоднократно предлагалъ профессору Потебни внести означенное письмо академика Буслаева въ текстъ своего представленія, чѣмъ устранились бы всѣ формальныя препятствія къ внесенію

его въ журналъ; но профессоръ Потѣбнѣ нашелъ это съ своей стороны излишнимъ.

«О чемъ историко-филологическій факультетъ имѣетъ честь донести совѣту университета».

При этомъ доложено письмо г. Буслаева на имя профессора Потѣбнѣ слѣдующаго содержанія: «Милостивый государь Александръ Афанасьевичъ! Благодарю Васъ за честь, которой Вы меня удостоиваете, спрашивая моего мнѣнія о докторской диссертациі А. И. Кирпичникова. Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняю Ваше желаніе, чтобы имѣть случай подѣлиться свѣтлыми впечатлѣніями, какія я вынесъ изъ чтенія этой прекрасной книги.

Тема, взятая авторомъ, одна изъ самыхъ счастливыхъ и столько же трудныхъ. Она требовала обширныхъ изысканій по всеобщей исторіи литературы и вела къ рѣшенію мѣстнаго, національнаго вопроса о Егоріи Храбромъ, занимающемъ такое первенствующее мѣсто въ русскихъ преданіяхъ, легендахъ и обрядахъ, въ народной поэзіи и древнерусскомъ искусствѣ.

Разработавъ эту тему, г. Кирпичниковъ вполне обнаружилъ характеръ своей ученой специальности. Это — историкъ всеобщей литературы, который, не ограничивая своихъ интересовъ увлекательнымъ разнообразіемъ ея содержанія, умѣетъ, при пособіи сравнительнаго метода, пользоваться своими обширными свѣдѣніями по этому предмету для основательной разработки русскихъ и вообще славянскихъ матеріаловъ, соответствующей современнымъ требованіямъ науки. Опытъ, сдѣланный имъ, доказываетъ во всей ясности, что только при такихъ пособіяхъ и при такомъ методѣ возможно успѣшное изученіе нашей народной и древней словесности.

Сказаніе о св. Георгіи составляетъ общее достояніе исторіи цивилизаціи — и далеко не однихъ только народовъ христіанскихъ, а своими преданіями восходитъ ко времени до-христіанскому.

Такимъ образомъ самая тема вызвала для поисковъ и изслѣдованій на широкое поприще всеобщей литературы. Автору надлежало найти нити, связывающія русскія сказанія съ южнославянскими въ рукописяхъ, старопечатныхъ книгахъ, а южнославянскія съ греческими, отъ которыхъ въ свою очередь пошли редакціи латинскія *legenda aurea*, во французскихъ и нѣмецкихъ поемахъ и т. п. Но и на греческихъ редакціяхъ остановиться было нельзя, такъ-какъ онѣ вели къ другимъ источникамъ, восточнымъ, которые надобно было отыскивать въ редакціяхъ сирійской, эеіопской, мусульманской и др.

Чтобы собрать всю эту массу разнообразныхъ матеріаловъ, действительно необходимыхъ для рѣшенія задачи, нельзя было удовольствоваться пособиями только русскихъ библіотекъ, и слѣдовало работать въ библіотекахъ заграничныхъ, а такъ-какъ многое изъ матеріаловъ еще не издано, то надобно было въ Россіи пересмотрѣть сотни рукописей славянскихъ и русскихъ, а за границею — латинскихъ, изъ коихъ нѣкоторыми для легенды о св. Георгіѣ до г. Кирпичникова никто еще не пользовался. Сверхъ того, чтобы дать авторитетную силу приводимымъ въ книгѣ матеріаламъ изъ восточныхъ литературъ, по его собственному свидѣтельству, заручался личными указаніями ориенталистовъ въ Германіи; что же касается до греческаго палимпсеста IV—V вѣка и до новогреческихъ пѣсенъ, то онъ прибѣгалъ къ помощи профессора Дестуниса, природнаго грека.

Эта 1-я глава диссертациі, самая трудная для автора, есть выѣстъ съ тѣмъ и самая лучшая. Ею опредѣляется достоинство всей книги, какъ фактической основой всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Редакціи приведены въ извѣстность и установлены въ систематическомъ порядкѣ. Опредѣлена древнѣйшая, и отдѣлено отъ чуда о змѣѣ.

Узрѣвшись на твердой почвѣ историко-филологическихъ фактовъ, авторъ во 2-й главѣ излагаетъ рядъ попытокъ — объ-

лестить основу легенды, провѣряя ихъ строгою критикою, которая отличается замѣчательною проницательностью и ясностью анализа. Исходя отъ требованій безусловной положительности принятыхъ имъ въ основу литературныхъ и мѣстныхъ археологическихъ данныхъ, авторъ прилагаетъ къ нимъ теоріи Берингъ-Гуда, Клермонъ-Ганно и другихъ западныхъ ученыхъ, и оставаясь вѣренъ своимъ принципамъ, отдѣляетъ въ этихъ теоріяхъ согласное съ фактами отъ принятыхъ на-вѣру гипотезъ и отъ крайностей личнаго увлеченія.

Эта 2-я глава имѣетъ своимъ содержаніемъ весь первоначальный составъ легенды, въ томъ ея уже готовомъ видѣ, какъ она перешла къ намъ въ греко-славяно-русскихъ редакціяхъ, уже со всеми тѣми элементами, въ коихъ ученые усматриваютъ Митру Таммуза, Гора, Персея, Беллерофона, Пегаса, Дагона и т. д. Чтобы вести дѣло о собственно русскомъ осложненіи этого загадочнаго типа, настоятельно необходимо было предпослать эту главу, въ тѣхъ видахъ, чтобы устранить господствующіе въ нашей ученой литературѣ недостатки и погрѣшности, состоящіе въ томъ, что въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода обыкновенно смѣшиваютъ у насъ баснословіе русское съ иностраннымъ и черезъ то впадаютъ въ непростительные анахронизмы, выдавая чужое добро за свое доморощенное.

Этимъ ученымъ приѣмомъ авторъ оказалъ значительную услугу русской наукѣ.

Остальныя двѣ главы, 3-я и 4-я, посвящены собственно славяно-русскому Егорію Храброму въ преданіяхъ, обрядахъ и духовныхъ стихахъ. Не вѣняя себѣ въ обязанность восполненія новыми данными собранныхъ у насъ по этому предмету уже довольно богатыхъ матеріаловъ, авторъ ограничивается критикою принятыхъ у насъ теорій въ объясненіи мифологическаго и культурнаго значенія Егорія Храбраго и въ сложеніи и составѣ духовныхъ о немъ стиховъ. Главное достоинство этихъ главъ со-

стоитъ, во-первыхъ, въ классификаціи вариантовъ русскихъ духовныхъ стиховъ въ сравнительной параллели съ южно-славянскими и ново-греческими пѣснями и сказаніями и, во-вторыхъ, въ критическомъ анализѣ разныхъ гипотезъ нашихъ натурнико-логовъ.

Этимъ краткимъ обзорѣмъ книги г. Кирпичникова я имѣлъ намѣреніе объяснить Вамъ, милостивый государь, почему я рекомендую ее моимъ университетскимъ слушателямъ, какъ руководство и образецъ для разработки богатыхъ матеріаловъ по исторіи русскихъ духовныхъ стиховъ. — Пріимите увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ Вамъ уваженіи *Θ. Буслаевъ*. Москва. 12 марта 1879 года. P. S. Прошу почтить меня увѣдомленіемъ о полученіи этого моего письма.

Опр. Подвергнуть г. Кирпичникова баллотированію въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта.

Ст. 6—13. 1) Ходатайство историко-филологическаго факультета объ утвержденіи *Шумигорскаго* въ степени кандидата. 2) Ходатайство физико-математическаго факультета: а) о продленіи выдачи стипендій кандидатамъ *Осинову* и *Крендовскому* и б) о напечатаніи перевода соч. Демлера: «Опредѣленіе минераловъ, наиболѣе важныхъ въ петрографіи, помощью микроскопа», сдѣланнаго студентами *Соколовымъ* и *Харинымъ*. 3) Ходатайство юридическаго факультета: а) о зачисленіи временно-сверхштатнаго стипендіата *Иванова* штатнымъ; б) объ утвержденіи *Вакулина* въ степени кандидата. 4) Ходатайство медицинскаго факультета: а) объ оставленіи бывшаго ординатора *Вишинскаго* по-найму въ этой должности, и допущеніи *Брендовской* къ исполненію обязанностей повивальной бабки при акушерской клиникѣ, по-найму.

Опр. 1) Утвердить *Шумигорскаго* въ степени кандидата. 2) По ходатайству физико-математическаго факультета: а) о продленіи выдачи стипендій сообщить въ правленіе; б) напечатать

означенный переводъ. 3) По ходатайству юридического факультета: а) о зачисленіи Иванова штатнымъ стипендіатомъ сообразить въ правленіе; б) утвердить Вакулина въ степени кандидата. 4) По ходатайству медицинского факультета, вопросъ об оставленіи поименованныхъ лицъ по-наиму рѣшить посредствомъ закрытой подачи голосовъ.

Ст. 14. Представленіе физико-математическаго факультета: «Въ засѣданіи 16-го апрѣля слушавъ былъ слѣдующій рапортъ проф. Деларю: «Въ виду истеченія двадцатипятилѣтняго срока службы нашего почтеннаго товарища Василія Григорьевича Ишшенецкаго, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ обратить вниманіе факультета на безспорныя заслуги Василія Григорьевича и какъ ученаго, и какъ преподавателя. Мнѣ, конечно, нечего говорить о его полезной дѣятельности какъ члена факультета и совѣта — она хорошо извѣстна всѣмъ его товарищамъ; но я останавлиюсь на его ученыхъ трудахъ, которые, по своему спеціальному характеру, менѣе знакомы тѣмъ, кто занимается спеціально математическими науками.

Можно смѣло сказать, что Василій Григорьевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ математиковъ, имя и труды которыхъ обратили на себя серьезное вниманіе западно-европейскихъ ученыхъ. Разсужденіе его «Объ интегрированіи уравненій съ частными производными перваго порядка», напечатанное въ ученыхъ Запискахъ казанскаго университета за 1864 годъ, и «Исслѣдованіе способовъ интегрированія уравненій съ частными производными втораго порядка функций двухъ независимыхъ переменныхъ», изданное въ 1863 году, были переведены на французскій языкъ французскимъ ученымъ Ноуе и напечатаны въ извѣстномъ нѣмецкомъ математическомъ журналѣ *Archiv der Mathematik und Physik* Грунфга (томы I. и II). Эти же самыя исслѣдованія изданы позже и отдѣльно какъ въ Парижѣ (Gauthier Villars), такъ и въ Грейфсвальдѣ (Koch).

Второе изъ нихъ вызвало весьма обстоятельную и лестную для автора рецензію со стороны лейпцигскаго профессора Мейера, помѣщенную въ IV томѣ *Jahrbuch über die Fortschritte der Mathematik* за 1872 г. Вообще эти двѣ работы Василя Григорьевича, обогативъ теорію интегрированія уравненій съ частными производными новыми методами интегрированія, представлявшими удачное усовершенствованіе приѣмовъ Ампера, въ значительной степени выяснили многіе существенные пункты этого важнаго и въ то-же время только вырабатывающагося отдѣла исчисленія бесконечно-малыхъ. Представляя искусную переработку въ одно цѣлое всѣхъ прежде извѣстныхъ результатовъ и, въ то-же время, усовершенствовавъ методы Ампера и выяснивъ удобство ихъ примѣненія къ интегрированію нѣкоторыхъ новыхъ формъ уравненій съ частными производными, Василій Григорьевичъ долженъ былъ естественно подстрекнуть и другихъ ученыхъ къ разработкѣ теоріи, такъ удачно имъ освѣщенной. Въ самомъ дѣлѣ, именно подъ вліяніемъ его работъ бельгійскій ученый Graindorge издалъ трудъ, озаглавленный: «*Mémoire sur l'intégration des équations aux dérivées partielles des deux premiers ordres*», въ которомъ онъ имѣлъ въ виду дальнѣйшее упрощеніе методовъ, употребленныхъ Васильемъ Григорьевичемъ. Ссылки на его работы встрѣчаемъ и въ сочиненіи Mansion: «*Théorie des équations aux dérivées partielles du premier ordre*», появившемся въ 1875 году. Двѣ крупныя работы, о которыхъ я только-что говорилъ, составляютъ далеко не весь вкладъ, сдѣланный нашимъ достойнымъ товарищемъ въ науку: начиная съ 1862 года и по настоящее время онъ не переставалъ обогащать ее результатами своихъ самостоятельныхъ трудовъ. Изъ изслѣдованій его нельзя не остановиться здѣсь особенно на тѣхъ, которыя относятся къ интегрированію системъ какъ обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій, такъ и уравненій въ частныхъ производныхъ. Изъ нихъ первое появи-

лось въ 1874 году въ Московскомъ математическомъ сборникѣ подъ заглавіемъ: «Способъ интегрированія двухъ совмѣстныхъ уравненій съ частными производными перваго порядка двухъ функцій отъ двухъ независимыхъ переменныхъ». Здѣсь авторъ даетъ весьма остроумный, изящный и безукоризненно точный приемъ интегрированія довольно общей формы двухъ совокупныхъ уравненій съ частными производными. Что касается до напечатанной въ томъ-же сборникѣ въ 1876 году статьи — «Интегрированіе одной системы уравненій», то въ ней дается два новыхъ, весьма остроумныхъ приема интегрированія системы дифференціальныхъ уравненій. Изъ этихъ приемовъ особенно выдается по своей оригинальности одинъ, основанный на приименіи *комплексныхъ* количествъ. Мысль, положенную въ основаніе этого приема, Василій Григорьевичъ развилъ подробно въ мемуарѣ своемъ: «Application des expressions complexes imaginaires à la formation de certains systèmes complètement intégrables d'équations canoniques et d'équations aux dérivées partielles», появившемся въ Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques въ томъ-же 1876 году. Всѣ эти три мемуара, какъ по новизнѣ приемовъ, въ нихъ употребленныхъ, такъ и по результатамъ, въ нихъ полученнымъ, составляютъ весьма цѣнные вклады въ науку.

Изъ изслѣдованій Васиція Григорьевича въ другихъ отдѣлахъ анализа отнѣчу его работу «О функціяхъ Якова Бернулли и выраженіи разности между опредѣленными суммою и интеграломъ», напечатанную въ 1870 году въ ученыхъ Запискахъ казанскаго университета. Это самостоятельное изслѣдованіе также обратило на себя вниманіе западно-европейскихъ ученыхъ и было помѣщено во французскомъ переводѣ въ итальянскомъ журналѣ: Giornali di matematiche, Battaglini. Ссылки на него находимъ въ недавно вышедшемъ 1-мъ томѣ курса исчисленія безконечно-малыхъ Houel'я.

Остальные печатные работы Василия Григорьевича слѣдующія: 1) О функціяхъ равносторонней гиперболы и круга (Казань. 1863 г.); 2) Способъ трилинейныхъ координатъ въ примѣненіи къ точкѣ и прямой линіи (Казань. 1862 г.); 3) Конечное интегрированіе одного вида уравненій съ частными производными посредствомъ введенія канонической системы переменныхъ (Казань. 1865 г.); 4) Note sur le rapport anharmonique du plan de courbure C, en un point quelconque d'une ligne d'intersection de deux surfaces quelconques, des plans tangents A et B à ces surfaces, en ce même point, et du plan D, mené par l'intersection des plans A, B, C. (Напечатано въ Мém. de la société royale des sciences de Liège, членомъ котораго онъ состоитъ съ 1873 года, и 5) Дифференціальное исчисленіе Тоттентера, переведенное и дополненное приложеніями къ геометріи пространства трехъ измѣреній. С.-Пб. 1873 года. Всѣ эти изслѣдованія, съ причисленіемъ къ нимъ дополненія къ переводу дифференціального исчисленія Тоттентера, хотя и не имѣютъ того научнаго значенія, какъ прежде упомянутые труды, представляютъ однако изслѣдованія, вполне самостоятельныя по методамъ, въ нихъ употребленнымъ. Въ нихъ мы постоянно встрѣчаемъ ту-же находчивость въ изобрѣтеніи приѣмовъ и ту-же точность сужденій, которыя всегда отличали работы Василия Григорьевича.

Изъ сдѣланнаго мною краткаго очерка ученыхъ трудовъ нашего почтеннаго товарища, вполне обнаруживается, какъ неослабно и какъ производительно трудился онъ и трудится до сихъ поръ надъ разработкою научныхъ вопросовъ. Обширныя научныя знанія, превосходное знакомство съ математическою литературою и блестящая способность къ спеціальной, самостоятельной разработкѣ отдѣльных вопросовъ даютъ полное право разсчитывать, что онъ далеко еще не окончилъ своей производственной научной дѣятельности. Послѣднія работы его обна-

руживаютъ ту научную зрѣлость и ту силу, которыя составляютъ признакъ того, что ученый достигъ именно полного развитія своихъ дарованій.

Занявъ въ нашемъ университетѣ кафедру раціональной механики, Василій Григорьевичъ естественно обратился къ спеціальнымъ занятіямъ этою отраслю математическихъ наукъ. Онъ подготавливалъ къ изданію полный курсъ этого предмета, первая часть котораго — кинематика, напечатана въ текущемъ академическомъ году. Нѣтъ сомнѣнія, что изданный въполнѣ курсъ этотъ, будетъ достоинъ своего автора и обогатитъ нашу отечественную математическую литературу сочиненіемъ, которое займетъ въ ней видное мѣсто.

Въ виду всего мною сказаннаго, въ интересахъ студентовъ, нуждающихся въ опытномъ и талантливомъ руководителѣ, — факультета, который не можетъ не цѣнить по заслугамъ своихъ членовъ и не дорожить ихъ полезною дѣятельностію, и, наконецъ, — самой науки, въ разработкѣ которой Василій Григорьевичъ принималъ и принимаетъ такое дѣятельное участіе, я полагаю, что намъ слѣдуетъ высказать совѣту университета, на сколько дорожимъ мы поддержаніемъ въ средѣ своей такой почтенной научной силы, какъ Василій Григорьевичъ.

По выслушаніи этого рапорта приступлено было къ закрытой подачѣ голосовъ, и въ результатѣ оказалось 10 голосовъ въ пользу предложенія проф. Деларю и ни одного — отрицательнаго. На основаніи этого рѣшенія физико-математическій факультетъ ходатайствуетъ объ оставленіи профессора Имшенецкаго на службѣ по окончаніи двадцатипятилѣтняго срока.

По выслушаніи вышеизложеннаго приступлено было къ баллотированію проф. Имшенецкаго съ цѣлью оставленія его на службѣ на 5 лѣтъ, при чемъ оказалось: избирательныхъ — 37 и неизбир. — 1 баллъ.

Опр. Просить ходатайства г. попечителя по этому предмету.

Ст. 15. Представленіе медицинского факультета: «Въ засѣданіи 16 апрѣля, члены медицинского факультета, пересмотрѣвъ все положеніе о факультетскихъ клиникахъ, нашли необходимымъ сдѣлать въ немъ слѣдующія измѣненія:

§ 1. Въ силу § 121 пун. 24 Высочайше утвержденнаго въ 18 день іюня 1863 г. Общаго устава Императорскихъ университетовъ, изъ числа учебно-вспомогательныхъ учреждений въ харьковскомъ университетѣ открыты три факультетскія клиники: а) терапевтическая, б) хирургическая, в) акушерская, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней съ оспопрививательнымъ отдѣленіемъ, и изъ спеціальныхъ клиникъ одна: офтальмологическая. Всѣ эти клиники открываются съ началомъ академическаго года и останавливаютъ свои дѣйствія на время университетскихъ ваканцій, когда прекращается чтеніе лекцій.

§ 2. Въ каждой изъ факультетскихъ клиникъ полагается 25 кроватей, а въ офтальмологической 10 кроватей. Каждая имѣетъ свое особенное помѣщеніе и состоитъ подъ непосредственнымъ распоряженіемъ преподавателя, завѣдующаго оною.

§ 3. На содержаніе трехъ факультетскихъ клиникъ назначается ежегодно сумма, опредѣленная по Высочайше утвержденному штату, въ 10.125 рублей сер. Эта сумма раздѣляется между тремя клиниками по-ровну. На содержаніе офтальмологической клиники полагается ежегодно 1.494 руб. сер. Расходы по каждой клиникѣ опредѣляются особымъ росписаніемъ.

§ 4. Клиники терапевтическая, хирургическая и офтальмологическая подраздѣляются на палаты мужскія и женскія.

§ 5. Лица, служація въ клиникахъ, суть: а) директоры, заведывающіе которыми со всѣмъ подчиняются; б) семь ординаторовъ; в) повивальная бабка, г) семь фельдшеровъ, д) смотритель, заведующій хозяйственною и полицейскою частію, е) кастелянша, ж) прислуга — служители и сидѣлки.

§ 6. Управление клиниками по части медицинской возлагается на преподавателей, заведующих ими съ званіемъ директоровъ.

§ 10. Каждый директоръ строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы издержки по его клиникѣ не превышали назначенной для нея суммы. Правленіе университета ежемѣсячно сообщаетъ директорамъ клиникъ свѣдѣніе о состояніи клиническихъ суммъ, равно извѣщаетъ директоровъ о тѣхъ расходахъ, которые дѣлаются не по ихъ требованіямъ.

§ 11. Ординаторы клиникъ утверждаются въ должностяхъ на три года (остальное все — по изданію 1869 года).

§ 16. Ординаторы каждой клиники должны присутствовать въ ней (и т. д. какъ въ изданіи 1869 года).

§ 22.

Примѣч. Въ случаѣ вскрытія умершаго больного, практикантъ обязанъ доставить профессору патологической анатоміи краткую замѣтку о ходѣ болѣзни съ диагнозомъ ея, за подписью директора клиники.

§ 45. При клиникахъ состоятъ семь фельдшеровъ, опредѣляемыхъ въ должности (и т. д. какъ въ изданіи 1869 года).

§ 47. Въмѣсто «приказанія профессора» поставить: приказанія директора.

§ 50. Въмѣсто «по назначенію и предписанію профессоръ» поставить: директоровъ.

§ 57. Въмѣсто — за подписью «профессоровъ» поставить: директоровъ.

§ 94. Трупы умершихъ въ клиникахъ вскрываются въ присутствіи директора той клиники, въ которой больной умеръ, профессоромъ патологической анатоміи въ анатомическомъ театрѣ, для чего избираются соотвѣтственные клиническіе часы, чтобы при вскрытіи могли присутствовать студенты 4-го и 5-го курсовъ. Если же, въ случаѣ какихъ-либо особенныхъ препят-

ствій, директоръ не можетъ допустить вскрытіе трупа, то онъ долженъ доводить объ этомъ каждый разъ до свѣдѣнія факультета, съ объясненіемъ причинъ. Протоколы вскрытій сохраняются въ архивѣ патологической анатоміи. Найденные при вскрытіи патологическіе препараты составляютъ собственность кабинета патологической анатоміи.

Медицинскій факультетъ, представляя объ этомъ въ совѣтъ университета, имѣетъ честь просить ходатайства предъ г. попечителемъ учебнаго округа объ утвержденіи вышеизложенныхъ измѣненій и распоряженія о перепечатаніи положенія о клиникахъ, въ виду того, что послѣднее изданіе его остается только въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ.

Опр. Согласно ходатайству факультета, испросить разрѣшенія г. попечителя.

Ст. 16. Того-же факультета: «Въ засѣданіи медицинскаго факультета 5 марта сего года слушали представленіе декана факультета, ординарнаго профессора Зарубина: «При постепенно возрастающей важности психіатріи, медицинскій факультетъ уже давно признавалъ необходимость отдѣльной разработки и отдѣльнаго преподаванія этой науки въ нашемъ университетѣ. Въ настоящее время представляется возможность обезпечить и упрочить у насъ постоянное преподаваніе душевныхъ болѣзней особымъ, хорошо подготовленнымъ специалистомъ. Въ этихъ видахъ, я считаю своимъ долгомъ предложить медицинскому факультету предоставить вакантное мѣсто штатнаго доцента психіатріи доктору медицины Ковалевскому, который, по моему глубокому убѣжденію, есть совершенно достойный кандидатъ для замѣщенія этой доцентуры и, надѣюсь, вполне удовлетворить вышеупомянутую заботливость медицинскаго факультета. Я нахожу излишнимъ распространяться о научныхъ и практическихъ заслугахъ г. Ковалевскаго. Докторъ Павелъ Ивановичъ Ковалевскій — воспитанникъ нашего университета; вся его учебная, ученая и практическая дѣя-

тельность проходила и развивалась передъ нашими глазами. Безъ сомнѣнія, въ справедливой оцѣнкѣ этой дѣятельности, медицинскій факультетъ уже не разъ оказывалъ свое вниманіе къ г. Ковалевскому: такъ, онъ удостоилъ его степеніи доктора медицины, онъ оставлялъ его на два года стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію, онъ разрѣшилъ ему преподаваніе психіатріи въ качествѣ приватъ-доцента. Какими данными руководствовался при этомъ факультетъ, кажется, нѣтъ надобности напоминать, такъ-какъ они, вѣроятно, хорошо извѣстны всѣмъ членамъ факультета. Я полагаю, что и послѣдующая ученая и преподавательская дѣятельность г. Ковалевскаго, именно съ того времени, какъ онъ получилъ право быть приватъ-доцентомъ, также болѣе или менѣе извѣстна всѣмъ членамъ факультета. По этому я считаю достаточнымъ резюмировать только главнѣйшіе моменты ея, чтобы показать, насколько основательно и справедливо ходатайствовать передъ совѣтомъ университета о предоставленіи доктору Ковалевскому мѣста штатнаго доцента психіатріи при нашемъ университетѣ.

По полученіи права преподавать, г. Ковалевскій прочиталъ курсъ душевныхъ болѣзней во 2-мъ полугодіи прошлаго академич. года. Затѣмъ съ 1-го іюня 1878 года онъ былъ командированъ совѣтомъ университета въ Казань, на три мѣсяца, для научныхъ и практическихъ занятій въ тамошней окружной психіатрической лѣчебницѣ, подъ руководствомъ профессора Фрезе. Въ продолженіи этихъ 3-хъ мѣсяцевъ онъ завѣдывалъ самостоятельно отдѣленіемъ лѣчебницы и нерѣдко давалъ судебно-психіатрическія заключенія, какъ это видно изъ письменнаго отзыва профессора Фрезе о занятіяхъ г. Ковалевскаго и отчета, представленнаго въ факультетъ самимъ Ковалевскимъ. Съ какою похвалою отзывался профессоръ Фрезе о дѣятельности г. Ковалевскаго въ казанской психіатрической лѣчебницѣ — извѣстно и факультету и совѣту университета.

Изъ представленнаго г. Ковалевскимъ отчета о его командировкѣ, члены факультета могли убѣдиться, что онъ изъ короткаго вакаціоннаго времени, находившагося въ его распоряженіи, не потерялъ ни дня для того, чтобы воспользоваться богатымъ матеріаломъ казанской психіатрической лѣчебницы, и извлечь изъ своей командировки не мало научной и практической пользы. Въ теченіе этой 3-мѣсячной командировки г. Ковалевскій занимался также научною разработкой нѣкоторыхъ вопросовъ въ области психіатріи, изъ которыхъ одни приведены къ концу, другіе еще разрабатываются имъ. Къ оконченнымъ работамъ относятся: «объ отношеніи атропина къ психозамъ» и «къ ученію о галлюцинаціяхъ». Первая работа послужила предметомъ сообщенія въ одномъ изъ засѣданій медицинской секціи общества опытныхъ наукъ при харьковскомъ университетѣ и напечатана въ январской книжкѣ Военно-медицинскаго журнала за 1879 годъ; а вторая также сообщена въ засѣданіи медицинской секціи общества опытныхъ наукъ, бывшемъ 28 февраля. Остальныя работы, какъ — «о вліяніи интеркуррирующихъ болѣзней на психозы», «объ отношеніи вѣснѣтла къ теченію психозовъ» и другія — приводятся къ концу.

По возвращеніи изъ командировки, въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго академ. года г. Ковалевскій открылъ чтеніе лекцій по душевнымъ болѣзнямъ для студентовъ 5-го курса медицинскаго факультета. Лекціи его дѣлились на теоретическія и практическія. Теоретическихъ лекцій было двѣ въ недѣлю; читаны онѣ въ аудиторіи университета. Предметомъ ихъ была общая психопатологія. Практическія занятія производились въ психіатрическомъ отдѣленіи харьковской земской больницы.

При этомъ занятія шли такимъ образомъ, что часть времени проходила въ практическомъ указаніи различныхъ, уже извѣстныхъ студентамъ изъ лекцій, уклоненій въ душевной сферѣ у психопатовъ, другая же часть времени посвящалась на то, что-

бы студенты сами занимались изслѣдованіемъ больныхъ, подъ руководствомъ г. Ковалевскаго. Посѣщая, по обязанности декана, лекціи г. Ковалевскаго, я всегда выносилъ самое пріятное впечатлѣніе отъ нихъ. Очетливое, ясное и оживленное изложеніе предмета на нихъ всегда сопровождалось историческими указаніями на развитіе его, постоянными ссылками на литературныя изслѣдованія самаго послѣдняго времени, возможными демонстраціями, рисунковъ, таблицъ, дневниковъ и казуистическими поясненіями изъ собственной психіатрической практики г. Ковалевскаго. Не смотря на то, что курсы г. Ковалевскаго необязательны, студенты, при своихъ многосложныхъ занятіяхъ, охотно посѣщаютъ ихъ, хотя для нихъ читается отдѣльно, другой обязательный курсъ психіатріи. Они не отказываются и отъ практическихъ занятій въ психіатрическомъ отдѣленіи земской больницы, не взирая на значительную отдаленность ея отъ города и затруднительность сообщенія съ ней.

Состоитъ приватъ-доцентомъ по предмету психіатріи при харьковскомъ университетѣ, г. Ковалевскій въ то-же время заведываетъ психіатрическимъ отдѣленіемъ харьковской земской больницы, гдѣ у него теперь находится громадный матеріалъ для практическихъ и научныхъ занятій.

По его указаніямъ, земство ввело въ этомъ отдѣленіи значительныя и разнообразныя усовершенствованія, согласно современнымъ требованіямъ науки, какъ относительно гигиеническаго содержанія, такъ и лѣченія душевно-больныхъ. Нагляднымъ результатомъ этихъ усовершенствованій было значительно увеличившійся процентъ выздоровленій больныхъ помѣшанныхъ. Эти успѣхи лѣченія не замедлили сдѣлаться извѣстными въ ближайшихъ къ харьковской губерніяхъ.

Въ надеждѣ на лучшее содержаніе и использование, въ харьковскую земскую больницу стали привозить душевно-больныхъ изъ многихъ сосѣднихъ губерній, а вслѣдствіе этого психіатри-

ческое отдѣленіе больницы весьма расширилось и, вѣроятно, въ скоромъ времени само собою, по силѣ обстоятельствъ, сдѣлается такою же окружною психіатрическою лечебницею, какая устроена правительствомъ въ Казани. — Со времени командировки въ Казань, т. е. съ іюня 1878 г., напечатаны слѣдующія работы г. Ковалевскаго:

1. Краткій очеркъ движенія больныхъ въ психіатрическомъ отдѣленіи харьковской земской больницы за 1877 годъ (Москов. мед. газ. 1878 г. № 30).

2. О приѣмѣ и выпискѣ психическихъ больныхъ (Моск. мед. газ. 1878 г. №№ 31 и 32).

3. Судебно-психіатрическая казуистика (Москов. мед. газ. 1878 г. №№ 38, 39 и 41).

4. Fall von Gesichtshallucinationen bei vollständer Blindheit (Psychiatrisches Centralblatt. 1878. № 4).

5. Атропинъ и психозы (Военно-мед. журн. Февраль).

6. Судебно-психіатрическій анализъ (Юридич. вѣстн. Февр. 1879 года).

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, я считаю себя вправе просить медицинскій факультетъ ходатайствовать передъ совѣтомъ университета о предоставленіи г. Ковалевскому доцентуры психіатріи при нашемъ университетѣ».

По выслушаніи этого представленія, профессоръ Лашкевичъ возбудилъ вопросъ о томъ — будетъ ли съ преподаваніемъ психіатріи соединено и преподаваніе нервныхъ болѣзней? На этотъ вопросъ деканъ факультета отвѣчалъ, что онъ, представляя г. Ковалевскаго на доцентуру психіатріи, имѣетъ въ виду единственно только порученіе ему преподаванія душевныхъ болѣзней.

По разосланіи членамъ факультета для прочтенія послѣднихъ напечатанныхъ сочиненій г. Ковалевскаго, въ засѣданіи факультета 19 марта было произведено баллотированіе доктора Ковалевскаго на должность штатнаго доцента психіатріи, при чемъ

въ результатѣ баллотированія оказалось 7 шаровъ избирательныхъ и 6 неизбирательныхъ.

Представляя о вышеизложенномъ совѣту университета, медицинскій факультетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить дать дальнѣйшій узаконенный ходъ дѣлу спредѣленія доктора Ковалевскаго доцентомъ психіатріи».

Опр. Согласно ходатайству факультета подвергнуть г. Ковалевскаго баллотированію въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта.

с) Докладъ по другимъ дѣламъ.

Ст. 17—21. Въ семъ засѣданіи происходила баллотировка:

а) о возведеніи доцента *Алексенка* въ званіе экстра-ординарнаго профессора (единогласно 38 балловъ); б) доцента *Ганинотъ* съ цѣлю оставленія на службѣ еще на 5 лѣтъ (избират. — 29 и неизбир. — 9 балловъ); в) на должность декана юридическаго факультета послѣдовало избраніе въ факультетъ вновь ордин. проф. *Стоянова*; д) избранъ на вакантную должность помощника инспектора *Янковскій* (избират. — 29 и неизбир. — 9 балловъ); е) магистръ химіи *Чернай* избранъ на должность штатнаго доцента по медицинскому факультету (избират. — 22 и неизбир. — 16 балловъ).

Опр. Объ избранныхъ лицахъ представить г. попечителю, для зависящаго распоряженія.

Ст. 22—33. Доложено: 1) Письмо почетнаго члена университета *И. И. Срезневскаго* съ изъявленіемъ благодарности за сочувственный отзывъ университета по случаю 50-лѣтняго юбилея литературно-научной его дѣятельности; 2) увѣдомленіе харьковскаго губернатора объ избраніи гг. проф. *Лебедева*, *Яцуковича* и доцента *Зайкевича* въ дѣйствительные члены харьковскаго статистическаго комитета; 3) заявленіе гг. проф. *Имшенецкаго* и *Безсонова* о занесеніи въ формулярные ихъ списки объ избраніи перваго корреспондентомъ королевскаго

общества наукъ въ Люттихѣ и въ члены математическаго общества въ Москвѣ, и второго — въ дѣйствительные члены московскаго общества древне-русскаго искусства и парижскаго общества лингвистики; 4) прошеніе проф. *Лашкевича* объ исходатайствованіи ему заграничнаго отпуска; 5) доложены счета, по которымъ слѣдуетъ уплатить изъ суммъ, назначенныхъ для учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Опр. 1) Заявленіе г. Срезневскаго записать въ журналъ; 2 и 3) объ избраніи поименованныхъ лицъ въ члены общества отмѣтить въ формулярныхъ спискахъ по принадлежности; 4) объ увольненіи проф. *Лашкевича* въ заграничный отпускъ представить г. попечителю; 5) просить правленіе сдѣлать надлежащее распоряженіе объ уплатѣ по счетамъ изъ указаннаго источника.

II.
